

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Всеобщая история

УДК 904, 94, 293.11

Сеничев В.Е.

Московский государственный областной университет

САКРАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ОРУЖИЯ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

Аннотация. Исследование рассматривает оружие, описанное в древнегерманских источниках с точки зрения его социальной и религиозной функции, влияния на жизнь и поведение людей. Взгляд на проблему социальных взаимоотношений и развития раннефеодального общества через призму саг и поведения культурных героев позволяет взглянуть на идеальную картину древнегерманского мира первого тысячелетия н.э. Оружие в нем выступает как регулятор общественных отношений, проводник божественной воли и показатель особого статуса его обладателя.

Ключевые слова: раннее средневековье, древние германцы, оружие, саги, мифология, религия.

V. Senichev

Moscow State Regional University

SACRED FUNCTION OF WEAPONS IN EARLY MEDIEVAL EUROPE

Abstract. The article considers weapons described in old Germanic sources from the point of its social and religious function, its influence on people's life and decisions. From this point of view the problem of social interactions and development of feudalism through sagas material and cultural heroes' behavior gives an opportunity to have a look at an ideal ancient society in Germany the way it was understood in the first millennium AD in Germanic and Norse sources. Weapons appear in sagas as a regulator of social relations, a conductor of divine will and a sign of its bearer's special status.

Key words: Early Middle Ages, ancient Germans, weapons, sagas, mythology, religion.

© Сеничев В.Е., 2014.

Оружие редко рассматривается с точки зрения его социальной или сакральной функции, однако в мире древних европейцев любой предмет имел несколько смысловых уровней. В работе Г.С. Лебедева «Этюд о мечах викингов» высказана идея о том, что меч являлся не только предметом военного ремесла или обозначением статуса, но и сакральным предметом, несущим в себе функции судьбы и предопределения. На примере некоторых эпизодов из саг мы разовьем это предположение и рассмотрим влияние оружия на поведение и судьбу человека так, как это представлялось древним германцам. Меч как вид холодного оружия не просто является предметом особого упоминания в мифологической среде. Его единственная функция — военная. Именно этот тип вооружения особо выделяется в сагах как атрибут наиболее профессионального и даже отмеченного богами воина — в древнегерманском обществе наличие меча у человека означало его высокий статус, несомненно и его принадлежность к высшему сословию: в Песне о Нибелунгах приводится часть древнегерманского обряда посвящения в рыцари — опоясывание мечом, в отличие от французского обряда — удара плашмя, он носит в себе более конкретную функцию — меч на поясе выполняет функцию социального маяка:

*На празднество созвали всех юношей, чей род
По возмужанье право стать рыцарем даёт,
И препоясал Зигмунд в день торжества того
Мечом и королевича, и сверстников его*

[6, с. 1].

Меч является одной из важнейших смысловых линий в культуре древних

германцев. В саге меч никогда просто так не оказывается в руках героя, он всегда имеет предысторию, свое имя, свой характер, и главное — несет в себе судьбу героя, его предназначение — обязывая его следовать определенным путем, не нарушать определенных запретов, выполнять определенные условия.

*Меч, которым одаривают Беовульфа,
имеет кроме превосходных качеств, еще
и героическую судьбу, предвещает герою
победу и удачу:*

*Также герою стало подспорьем
то, что вручил ему вития Хродгаров:
меч с рукоятью, старинный Хрунтинг,
лучший из славных клинков наследных
(были на лезвии, в крови закаленном,
зельем вытравлены узорные змеи);
в руке героя, ступить решившегося
на путь опасный, на вражью землю,
тот меч не дрогнет — не раз бывал он,
клинок остреный, в работе ратной*

[1, с. 116].

В саге о Вельсунгах меч также играет важную роль в определении судьбы будущего героя — в начале повествования описывается:

«Тот человек в руке держал меч и шел прямо к родовому стволу, а на голове у него шляпа; был он очень высок и стар и крив на один глаз. Он взмахнул мечом и так вонзил его в ствол, что меч тот вошел в дерево по рукоять. Все люди приветствовали того человека; тогда он заговорил и сказал: «Тот, кто этот меч вытащит из ствола, получит его от меня в дар, и сам он в том убедится, что никогда не держал в руках лучшего меча...»

Тут повскакали они с мест и заспорили о том, кому взяться за меч; думали, что достанется он тому, кто

первым до него доберется. Наконец знатнейшие подошли первыми, один за другим, но не было тут такого, кому бы удалось это дело, ибо меч не шелохнулся ни в какую сторону, сколько за него ни хватались. И вот подошел Сигмунд, сын Волсунга-конунга, схватил меч и вырвал его из ствола, точно он там лежал свободно, дожидаясь Сигмунда» [7, с. 1].

В данном случае Один предлагает способ определения героя — тот, кто достанет меч из дерева, станет на определенный путь.

Здесь мы находим прямую параллель с легендой об Артуре, и образ, присущий всей германской мифологической традиции — меч, определяет судьбу героя, является показателем его легитимности и богоизбранности.

Однако подобное оружие дает не только привилегии и статус избранного, но и налагает жестокие правила пользования. Так, в саге о Хервер, одним из ключевых элементов которой является меч Тюрвинг, этот меч требует от хозяина обагрять его в крови каждый раз, как только он будет вынут из ножен. Подобный сюжет рассказывается в саге:

«Мы с сыном конунга стояли вдвоём у одного дерева. Тут мой воспитанник попросил яблоко, которое висело довольно высоко. Я вытащил Тюрвинг и срезал это яблоко, и это случилось прежде, чем я вспомнил, что меч заклят так, что должен убить человека, будучи извлечённым, а нас там было только двое. Затем убил я мальчика» [9, с. 1].

Герой саги был связан со своим оружием клятвой, которую не мог нарушить, при этом в саге никто не ставит под сомнение необходимость этого действия.

Отдельно стоит упомянуть такое понятие, как «древнее оружие» — оно всегда наделяется особыми свойствами, особым качеством. Сага о Тидреке Бернском свидетельствует:

«Нечего сомневаться, что древние мечи, которыми действовали со столь великою силою, брали железо, ибо еще изготовлялись таковые, что не притуплялись, хотя ими рубили железо» [2, с. 1].

Такое особое оружие приписывается и людям с особыми достоинствами, требует от них определенного поведения. Этот сюжет проходит через большое количество индоевропейских мифов об оружии, раскрывая отношение древнего человека к этому предмету.

Многие мечи, упоминающиеся в сагах, являются «древним наследием», мечами, доставшимися от предков или полученными иным путем, но не выкованные обычным кузнецом. Некоторые мечи передавались в семьях поколениями или забирались из курганов потомками, не получившими наследства. Такая ситуация могла переносить мечи периода Переселения в эпоху викингов и мечи эпохи викингов — в XII и XIII вв. В музее Цюриха можно видеть меч, выкованный около VII в. и посаженный на рукоять меча XVI в. Эпоха викингов, являвшаяся переходной между героическим веком Переселения и эпохой рыцарства, дала нам наибольшее количество таких примеров.

Интересным для нас является и описание добычи меча предка в саге о Греттире, одной из исландских родовых саг, описывающих исторические события с IX по XI вв. Сюжеты саг биографичны, являются источниками знания не только о событиях, проис-

ходивших в Северной Европе в раннем средневековье, но и источником нашего знания о праве, укладе жизни и быте скандинавов того периода.

Вернемся к заинтересовавшему нас сюжету добычи меча. Он описан следующим образом: Греттир спускается в курган и вступает в схватку с «могильным жителем», охранявшим свои сокровища. При этом сама схватка описана именно как поединок, в котором мертвец, сидевший в кургане, участвует как живой человек. Этот эпизод завершается висой, произнесенной Греттиром:

*«Сей клинок благородный,
Режущий раны, в кургане
С бою добыл я ныне —
Сгинул могильный житель.
Стал бы только моим
Бранных рубах крушитель,
Он бы вовек не выпал
Из рук кормильца ворона»* [8, с. 32]

В этом сюжете, описанном между событиями, никак не мифологизированными, в которых повествуется об удачном походе и торговых делах, мы видим сюжет, достойный Старшей Эдды, и несомненно, имеющий параллели с древними традициями. Это говорит еще и о том, что сознание древнего человека воспринимало сам факт добычи меча из кургана как поступок, выводящий героя за пределы обычного мира. Такой сюжет, оказавшись он в саге о Нибелунгах, не вызвал бы удивления, но именно оттого, что он вставлен в биографическую и историческую сагу, говорит нам о том, какое значение придавалось нахождению особенного оружия, с необычными свойствами, и что за него приходилось бороться не только с живыми, но и с мертвыми.

Подобные представления связывают мироощущение древних исландцев с мироощущением героев эпоса более раннего, в котором особенное оружие играет роль маркера «избранности» и достается только в результате сверхусилий и встречи с потусторонними, магическими силами. Такое условие и такие сложности, связанные с получением сакрального предмета, говорят нам о большой редкости и ценности таких вещей, повлиявших на этапе формирования мифологического воззрения на оружие. Необходимость встречи с потусторонним говорит о невероятной сложности получения предмета, возможно, и о том, что технология его производства сохранялась долгое время в тайне или была не очевидной для стороннего наблюдателя. Для оружия бронзового века подобный подход может быть объяснен не очевидным процессом отлива меча и получения готовой формы «из камня», что порождало собственный пласт мифологии и ритуализировало процесс. В железном веке процесс производства оружия меняется, однако кузнец, как и его труд, продолжают находиться под покровом тайны, действия остаются ритуализированными. Кузнецы представлялись современникам людьми высшего порядка, обладателями магической власти над вещами и людьми. Железным молотом наделили древние германцы одного из главных своих богов Тора. По их мнению, кузнец мог научиться ремеслу лишь у сверхъестественных сил. Подобное отношение к оружию высшего сословия позволяло ему отгородиться от других сословий двумя почти непреодолимыми барьерами.

Изготовление меча было сложным и закрытым процессом до тех пор,

пока мечи не научились ковать более простым способом, а значит, и более доступным. Миф о Велунде донес до нас одну из версий изготовления качественной стали:

«Вернулся он в кузницу, взял напильник и долго шлифовал меч, пока не образовалась куча опилок. Затем добыл стайку ручных птиц и три дня их не кормил. А на третий день смешал муку с металлическими опилками и дал ее склевать птицам, после чего собрал птичий помет. Птичий помет поместил он в плавильную печь и долго выплавлял, пока железо не освободилось от шлаков. А уж из этого железа выковал новый меч, поменьше первого» [4, с. 1].

Стороннему наблюдателю такой процесс был не понятен, действия кузнеца с птицами и пометом, вне контекста, могли быть расценены как магические. И сам Велунд в сагах предстает не простым человеком, но королем альвов и колдуном, что так же отсылает нас к одному из основных сюжетов, связанных с сакральным оружием – оно делается не человеческими руками. Снорри Струлуссон описывает два вида альвов: «Немало там великолепных обиталищ. Есть среди них одно – Альвхейм. Там обитают существа, называемые светлыми альвами. Темные альвы живут в земле, у них иной облик и совсем иная природа. Светлые альвы обликом своим прекраснее солнца, а темные – чернее смолы» [11, с. 24]. Также черных альвов часто называют двергами, и именно из их рук получил меч Тюрвинг конунг Сигрлами из саги о Хейдреке и Хервер. Такое восприятие работы кузнеца и металлургии в раннем средневековье в целом позволяло держать на расстоянии многих

суеверных людей, а значит и оберегать тайны процесса производства, что формировало большее классовое разделение в зарождающемся феодальном обществе. Подобная практика была распространена, несомненно, и до появления зачатков феодализма – высококачественная металлургия в любом обществе обслуживала интересы племенной верхушки. Сакрализация оружия от момента производства была дополнительным фактором зарождения классового общества, наряду с сакрализацией знания, грамотности и каких-либо ремесел. Раннесредневековое деление общества на две категории – людей вооруженных и людей, которых они должны защищать, было описано и в христианском видении мира. В сюжете Якоба Гримма приводится испытание меча мокрым куском шерстяной пряжи, которую тот перерубает беспрепятственно. Это прямая параллель с сагой о Нибелунгах, где меч Грам проверяется таким же образом. Сюжет с похищением кузнеца описан в саге о Велунде, включенной в Старшую Эдду, и этот сюжет раскрывает нам, насколько ценилась работа кузнеца-оружейника, какая могла вестись борьба за его работу и какую цену за нее приходилось платить – за попытку удержать кузнеца-колдуна конунг Нидуд лишился сыновей.

В идеализированном обществе саг оружие выступает как воплощение воли высших сил, как предмет, обладающий собственной волей и обозначающий особый статус своего владельца. Часто оно выступает как активный участник событий, желанный трофей или провокатор конфликтов. Отношение к оружию в мифах древних германцев – это отношение к живому

существо, которое требует к себе уважения и соблюдения определенных правил. Меч, попав в руки героя, начинает влиять на его судьбу, позволяя или не позволяя совершать действия. Мифологическое восприятие оружия должно было привить людям особое отношение к нему и, несомненно, – определенные правила поведения, оградить их от социально неприемлемых поступков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беовульф: Эпос/ пер. с др.-англ. В. Тихомирова. – СПб.: Издательский Дом «Азбука», 2008. – 288 с.
2. Веселовский А.Н. Русские и вильтинны в саге о Тидреке Бернском. – СПб., 1906. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/src/forn/thidrek/ru2.html> (Дата обращения: 12.09.2014).
3. Вильсон Д.М. Англосаксы. Покорители кельтской Британии / пер. с англ. П.В. Тимофеева. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 189 с.
4. Гримм Я. «Германские героические сказания»: [Электронный ресурс]. URL: <http://claw.ru/a-legendy/2/652.html> (Дата обращения: 12.09.2014)
5. Кирпичников А.Н. Новообнаруженные клейма раннесредневековых мечей // Fasciculi Archaeologiae Historicae. Fasc. V. Lodz, 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/articles/ulfberht.html> (Дата обращения: 12.09.2014).
6. Песнь о Нибелунгах, АVENTЮРА II / пер. Ю. Корнеев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/INOOLD/WORLD/nibelungi.txt> (Дата обращения: 12.09.2014).
7. Сага о Вельсунгах, гл. III. URL: http://mifs.su/velsung/chapter_iii.html (Дата обращения: 12.09.2014).
8. Сага о Греттире. Сер. «Лит. памятники» / Изд. подг. О. А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. – Новосибирск: «Наука», 1976. – 175 с.
9. Сага о Хервер и Хейдрекке – [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/src/forn/hervor/ru.html> (Дата обращения 12.09.2014).
10. Старшая Эдда: Древнеисландские песни о богах и героях. – СПб.: «Наука», 2006. – 260 с.
11. Стурлусон С. Младшая Эдда / Изд. подг. О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. – Л.: Наука, 1970; 2-ое изд. – М., 1994. – 138 с.
12. Хлезов А.А. Предвестники Викингов. – СПб.: Евразия, 2002. – 336 с.